

Издатель намѣревается по мѣрѣ возможности обратить вниманіе и на новое время и будетъ весьма обязанъ за сообщеніе ему также и печатнаго матеріала. Онъ высказываетъ надежду, что просьба его встрѣтитъ сочувствіе, которое дастъ ему возможность закончить дѣло начатое Гельцеромъ. Рукопись должна быть закончена къ 1 января 1913 года.

Адресъ издателя для сообщеній: Dr. E. Gerland, Dorotheenstrasse 4, Homburg v. d. Höhe.

Баронъ Викторъ Романовичъ Розенъ.

(Род. 21-го февраля 1849 г., † 10 января 1908 г.).

Некрологъ.

Бываютъ потери въ жизни настолько важныя, настолько глубокія и сложныя, когда въ первый моментъ рѣшительно не можешь дать себѣ отчета въ томъ, что потеряно; ощущаешь тупую боль; чувствуешь охватившую тебя пустоту; теряешь интересъ къ окружающему и сознаешь только, что нѣчто порвалось, ушло навсегда, исчезло безвозвратно. Пройдутъ мѣсяцы и годы, и только тогда выяснится съ полною, безпощадною опредѣленностью вся незамѣнимость утраты.

Къ такимъ потерямъ принадлежитъ, несомнѣнно, смерть барона Виктора Романовича Розена, вѣсть о которой какъ громомъ поразила его учениковъ, друзей, почитателей и вообще всѣхъ знавшихъ его представителей ученаго міра.

Какъ сейчасъ помню мое послѣднее свиданіе съ бар. Розеномъ. Это было въ концѣ ноября 1907 года передъ моимъ отъѣздомъ за границу. Викторъ Романовичъ былъ бодръ и оживленъ. Завязался горячій разговоръ о незавидномъ положеніи византиновѣдѣнія въ Россіи, которое, если не считать нѣсколько неопредѣленной профессуры византійской филологии въ Одессѣ, не имѣетъ ни въ одномъ изъ столичныхъ университетовъ особой кафедры; вспоминались завѣты и надежды друга бар. Розена В. Г. Васильевскаго, моего учителя. Викторъ Романовичъ отеческимъ тономъ указывалъ на мое чрезмѣрное увлеченіе музыкой. Можетъ быть, не всѣмъ извѣстно, что баронъ любилъ музыку, самъ игралъ и интересовался даже такими современными композиторами, какъ Регеръ. Кто могъ думать, что я въ тотъ вечеръ видѣлъ барона въ послѣдній разъ! Первые вѣсти о постигшей его тяжелой формѣ инфлуэнцы дошли до меня въ Римѣ; но и тогда я далекъ былъ отъ мысли предвидѣть роковой, столь близкій исходъ. Поэтому когда одинъ изъ моихъ товарищей сообщилъ мнѣ вѣсть о его смерти въ Болоньѣ, я былъ буквально пораженъ и подавленъ. Казалось, пришелъ конецъ всѣмъ работамъ, всей дальнѣйшей моей научной дѣятельности... Руки опускались... Таково было мое впечатлѣніе отъ этой грустной вѣсти; таково было впечатлѣніе,

какъ я это знаю, и многихъ другихъ. Spiritus movens научнаго ориентализма въ Россіи, какъ о Викторѣ Романовичѣ выразился въ тепло написанномъ некрологѣ проф. и ученикъ барона Н. Я. Маррѣ, исчезъ...

Родился баронъ Розенъ въ 1849 году въ Ревелѣ, гдѣ и получилъ свое среднее образованіе. Поступивъ въ 1866 году на арабско-персидско-турецко-татарское отдѣленіе восточнаго факультета С.-Петербургскаго университета, онъ въ 1870 году кончилъ курсъ. Богатыя задатки будущаго ученаго уже дали себя знать во время его студенчества: баронъ Розенъ за сочиненіе по персидской словесности получилъ золотую медаль, а прохожденіе за это же время полнаго курса лекцій по еврейско-арабско-сирійскому отдѣленію расширило его познанія въ восточныхъ языкахъ и литературѣ и заложило фундаментъ той широты и глубины познаній, которыя поставили барона позднѣе въ ряды первостепенныхъ европейскихъ ученыхъ.

Въ годъ окончанія университета, т. е. въ 1870 г., Викторъ Романовичъ отправился за границу въ Лейпцигъ, гдѣ продолжалъ заниматься преимущественно арабскимъ языкомъ у лучшихъ представителей европейской ориенталистики. Викторъ Романовичъ любилъ въ бесѣдахъ вспоминать это время, тяжелое по матеріальнымъ условіямъ его тогдашней жизни, столь знакомой многимъ изъ командированныхъ за границу, и вмѣстѣ съ тѣмъ живое и бодрое благодаря тому увлеченію, съ какимъ баронъ работалъ въ Лейпцигѣ, въ особенности у такъ называемаго «шейха» арабистовъ Флейшера. Черезъ два года въ 1872 году баронъ уже защитилъ свою магистерскую диссертацию «Древне-арабская поэзія и ея критика» и тогда же въ качествѣ штатнаго доцента началъ чтеніе лекцій по арабскому языку. Самъ Викторъ Романовичъ очень строго относился къ своей диссертаци и иногда благодушно, хотя и несправедливо, говорилъ, что это примѣръ того, какъ не надо писать диссертаций. Глубокія познанія и труды молодого ученаго уже въ 1879 году открыли ему двери Академіи Наукъ, куда онъ былъ избранъ адъюнктомъ; однако въ 1882 году по принципиальнымъ вопросамъ онъ отъ этого званія отказался. Въ 1883 году баронъ получилъ докторскую степень, защитивъ свой главный ученый трудъ «Императоръ Василій Болгаробойца. Извлеченія изъ лѣтописи Яхьи Антиохійскаго» и былъ утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора, а въ 1885 году—въ званіи ординарнаго профессора.

Въ этомъ же 1885 году происходитъ въ жизни и дѣятельности барона Розена переломъ, направившій ихъ по новому пути. 27 февраля 1885 года въ засѣданіи Археологическаго Общества онъ былъ избранъ въ Управляющіе Восточнымъ Отдѣленіемъ этого Общества и въ слѣдующемъ засѣданіи 8 апрѣля положилъ основаніе новому періодическому органу Отдѣленія «Извѣстіи Восточнаго Отдѣленія», которыя вскорѣ были переименованы въ «Записки Восточнаго Отдѣленія». О значеніи этихъ событій въ жизни и дѣятельности барона я позволю сказать себѣ нѣсколько ниже.

Въ 1890 г. Викторъ Романовичъ былъ снова выбранъ въ Академію экстраординарнымъ академикомъ; въ 1893 году былъ назначенъ деканомъ факультета восточныхъ языковъ (до 1902 года) и въ 1901 году получилъ званіе ординарнаго академика.

Такова въ общихъ чертахъ внѣшняя, показная сторона жизни барона Розена. Но само собою разумѣется, что не въ ней таится все значеніе его дѣятельности, не на ней основано все обаяніе его личности... Для насъ имѣетъ бѣльшій интересъ внутренняя сторона его жизни,—сторона, можетъ быть, менѣе замѣтная для большинства, но за то болѣе важная и драгоцѣнная для всѣхъ знавшихъ его. Къ ней мы теперь и перейдемъ.

Передо мною лежитъ старая тетрадь, помѣченная 1887 годомъ съ записью первой лекціи барона по арабскому языку. Это было еще въ одной изъ небольшихъ, уютныхъ аудиторій прежняго отдѣльнаго помѣщенія восточнаго факультета, въ верхнемъ этажѣ рядомъ съ прежнимъ помѣщеніемъ бібліотеки. Когда я выслушивалъ на первой лекціи изъ устъ еще молодого Виктора Романовича увѣщанія къ аудиторіи не увлекаться восточнымъ факультетомъ и совѣты лучше оставить его, перейдя на другіе факультеты, въ виду тѣхъ трудностей, которыя ожидаютъ студентовъ, мнѣ стало яснымъ, что передо мною профессоръ, который хочетъ дѣйствительно имѣть у себя работающую аудиторію, которому совершенно не все равно, кто у него будетъ сидѣть на лекціяхъ. Дѣйствительно, количество студентовъ уменьшилось; оставшееся меньшинство слотилось, и въ результатѣ получился тотъ, по словамъ Розена, «солидный» курсъ, о которомъ онъ вспоминалъ до послѣдняго времени и изъ котораго вышли проф. В. Бартольдъ, покойный П. М. Меліоранскій. Я черезъ годъ перешелъ на историко-филологическій факультетъ.

Всякій, кто высказывалъ желаніе заниматься и работать, находилъ немедленно драгоцѣнную поддержку Виктора Романовича; оффиціальныи профессоръ исчезалъ; появлялся руководитель, заботливый и осторожный, направлявшій молодого человѣка, укрѣплявшій его духъ и силы, расширявшій кругозоръ и нерѣдко позднѣе превращавшійся въ искренняго друга. Вліяніе барона на учениковъ было громадно; но у него было умѣнье и находить ихъ. Меня нисколько не удивляетъ, что изъ всѣхъ современныхъ профессоровъ Викторъ Романовичъ оставилъ наибольшее количество учениковъ, оставилъ, можно сказать, цѣлую школу ориенталистовъ. А сколько диссертаций въ рукописяхъ и корректурахъ прошло черезъ руки барона!

Я также своею научною дорогою всецѣло обязанъ барону. Это было на вечерѣ у одного профессора восточнаго факультета. Я переходилъ на третій курсъ филологическаго факультета, долженъ былъ выбирать спеціальность и склонялся уже, не безъ колебаній, избрать классическое отдѣленіе. На этомъ вечерѣ мы встрѣтились съ Викторомъ Романовичемъ, который и сталъ спрашивать меня о моихъ намѣре-

ніяхъ, и эта бесѣда рѣшила судьбу всей моей дальнѣйшей жизни: здѣсь онъ посовѣтовалъ соединить мое знаніе арабскаго языка съ языкомъ греческимъ на почвѣ изученія византійской исторіи, направилъ меня къ В. Г. Васильевскому, которымъ я душевно былъ встрѣченъ; и вотъ съ тѣхъ поръ главная область моихъ занятій вращается въ области византиновѣдѣнія; причемъ въ теченіе всей моей жизни я находилъ въ баронѣ всегда готовую помощь, совѣтъ и ободреніе. Онъ сложилъ мою жизнь. И я думаю, что это примѣръ не единственный, и что въ жизни другихъ многочисленныхъ учениковъ его найдутся подобныя же воспоминанія изъ прошлой жизни.

Первая и громадная заслуга барона Розена—это созданіе въ Россіи цѣлой школы ученыхъ, насажденіе въ ней ученаго востоковѣдѣнія въ обширномъ смыслѣ этого слова. Уже одно это навсегда сохранить имя Виктора Романовича въ лѣтописяхъ отечественнаго просвѣщенія.

Какъ ученый, баронъ Розенъ представлялъ собою величину, рѣдко встрѣчающуюся какъ у насъ, такъ и на Западѣ. Являясь по специальности и оффиціально арабистомъ, онъ далеко не былъ тѣмъ, что обыкновенно разумѣется подъ этимъ. Общее образованіе барона и его поразительная начитанность въ мусульманской литературѣ въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова ставили его въ исключительное положеніе. Совершенно правъ проф. Н. Я. Марръ, когда въ своемъ некрологѣ писалъ о Викторѣ Романовичѣ: «онъ говорилъ съ каждымъ востоковѣдомъ, даже далекой отъ него специальности, интимнымъ его языкомъ, умѣлъ жить его научными интересами; въ бесѣдѣ съ нимъ забывалось, что въ лицѣ Виктора Романовича говоритъ первокласный специалистъ чужой области, арабистъ». Мнѣ приходилось испытывать тоже, когда случалось съ Викторомъ Романовичемъ вести бесѣды по византиновѣдѣнію. Исламъ нашелъ въ лицѣ барона настоящаго, опытнаго хозяина, было ли то поэзія, исторія, коранъ, юриспруденція или сказка. Но этого мало. Неотъемлемою заслугою Виктора Романовича является еще то, что онъ выдвинулъ и оцѣнилъ христіанско-арабскую литературу, къ области которой относится и его главный трудъ. Научное кавказовѣдѣніе въ Россіи въ дѣлѣ своего развитія также многимъ обязано барону. Свои завѣты, свой методъ, свой взглядъ на то, какъ долженъ работать современный ориенталистъ, какія цѣли долженъ онъ преслѣдовать,—все это изложилъ Викторъ Романовичъ въ своей замѣчательной рецензіи на книгу М. Машанова «Очеркъ быта арабовъ въ эпоху Мухаммеда»¹⁾. Эта рецензія должна изучаться всякимъ, кто приступаетъ къ трудному дѣлу востоковѣдѣнія.

Когда просматриваешь полный списокъ трудовъ барона, составленный его послѣднимъ ученикомъ, И. Ю. Крачковскимъ, и приложенный къ некрологу П. К. Коковцова, то замѣчаешь слѣдующее: До 1886 года баронъ далъ всѣ свои лучшіе и большіе труды; въ это время, очевидно,

1) Записки вост. отд. Имп. Р. Арх. Общ. II (1887), стр. 283—301.

онъ отдавался весь наукѣ, жилъ лишь ея интересами, не неся никакихъ постороннихъ, отвлекающихъ обязанностей. Если бы и въ послѣдующіе годы работа шла такимъ же темпомъ, то трудно даже себѣ вообразить, чѣмъ онъ при своей эрудици и талантѣ могъ подарить русскую науку. Но въ 1885 г. Викторъ Романовичъ избирается, какъ извѣстно, въ управляющіе восточнымъ отдѣленіемъ Археологическаго Общества и основываетъ новый органъ русскаго востоковѣдѣнія «Записки восточнаго отдѣленія», редакторомъ которыхъ онъ и былъ до конца своей жизни. Это тотчасъ же отражается на ученыхъ работахъ барона. Его крупныя работы совершенно прекращаются, а замѣняются небольшими статьями, замѣтками и громаднымъ количествомъ рецензій на самыя разнообразныя книги. Очевидно, «Записки» совершенно запленили Виктора Романовича и особенно въ первые годы, когда дѣло еще только налаживалось и сотрудники образовывались, когда вся тяжесть работы библиографической падала исключительно на одного барона и отнимала большую часть времени; если къ этому прибавить его редакторскія обязанности, переписку и исправленіе корректуръ, то окажется, что Викторъ Романовичъ вынужденъ былъ отдать все свое время новому дѣтищу. Всѣ начатыя крупныя работы барона остановились и, увы! навсегда. Это было со стороны Виктора Романовича великое самопожертвованіе на пользу русской науки; онъ какъ бы отказался отъ самого себя, весь проникся благородной идеей дать Россіи ученый органъ востоковѣдѣнія и добился блестящихъ результатовъ: его «Записки» стали наравнѣ съ лучшими журналами по востоковѣдѣнію въ Европѣ, проникли туда, нашли надлежащую оцѣнку и заставили многихъ научиться русскому языку. Этотъ результатъ утѣшаетъ насъ за потерю начатыхъ и неоконченныхъ большихъ трудовъ барона, а все это предпріятіе выставляетъ еще въ болѣе привлекательномъ свѣтѣ благородство натуры Виктора Романовича. Такъ продолжается до 1893 года.

Въ 1893 году Викторъ Романовичъ былъ назначенъ деканомъ, и картина снова мѣняется: число и мелкихъ работъ барона страшно понижается; бываютъ годы, когда онъ печаталъ лишь по одной небольшой статейкѣ. Можно было надѣяться, что послѣ оставленія обязанностей декана въ 1902 году онъ снова сможетъ взяться за оставленныя работы. Въ 1904 году Викторъ Романовичъ говорилъ мнѣ какъ о почти рѣшенномъ дѣлѣ, что онъ принимается за изданіе Яхъи Антиохійскаго, но только съ менѣе широкими, чѣмъ прежде, планами, т. е. вмѣсто изданія съ примѣчаніями и комментариемъ онъ хотѣлъ дать лишь изданіе текста. И это было бы драгоцѣнно. Но политическое броженіе послѣднихъ лѣтъ въ связи со студенческими волненіями окончательно поглотило Виктора Романовича и оторвало его отъ занятій. Баронъ умеръ въ тотъ моментъ, когда жизнь, казалось, начинала создавать условія, въ которыхъ онъ могъ бы продолжать прерванные труды.

Оставляя въ сторонѣ магистерскую диссертацію еще совершенно

юнаго арабиста «Древне-арабская поэзія и ея критика» (Спб. 1872), я остановлю свое вниманіе на трудахъ барона, касающихся византійской и славяно-русской исторіи.

Благодаря ученому общенію Виктора Романовича съ А. Куникомъ и В. Г. Васильевскимъ у него появился интересъ къ освѣщенію событій славянской и древне-русской исторіи при помощи данныхъ арабскихъ источниковъ. Въ 1878 году онъ вмѣстѣ съ А. Куникомъ издалъ «Извѣстія ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и славянахъ»¹⁾, гдѣ барону принадлежитъ изданіе арабскаго текста и русскаго перевода «Извѣстій ал-Бекри» съ вводной главой о жизни и источникахъ ал-Бекри. Эта работа Виктора Романовича дала А. Кунику матеріалъ для нѣсколькихъ интересныхъ этюдовъ, а самыя свѣдѣнія о славянахъ и нѣкоторыхъ другихъ сосѣднихъ народахъ, заключающіяся въ Запискѣ Ибрагима Израилъянина, которою пользовался ал-Бекри, настолько интересны, что до послѣдняго времени не перестаютъ привлекать вниманія изслѣдователей (см., напр., работу г. Вестберга). Можно упомянуть еще о замѣткѣ барона по поводу статьи В. Г. Васильевского «О жизни и трудахъ Симеона Метафраста» (Журн. Мин. Нар. Просв., дек. 1880 г.), гдѣ Викторъ Романовичъ приводитъ въ рускомъ переводѣ небольшой отрывокъ Яхьи Антіохійскаго о Симеонѣ (ibidem, февр. 1881 г., отд. II, стр. 319—320).

До сихъ поръ была лишь, такъ сказать, черная работа, служившая матеріаломъ для изслѣдованій другихъ лицъ.

Интересъ, пробужденный въ душѣ Виктора Романовича статьями и изслѣдованіями А. А. Куника и В. Г. Васильевского, былъ настолько силенъ, что онъ, отправляясь весной 1879 года въ командировку за границу для продолженія своихъ уже давно начатыхъ работъ по исторіи арабской литературы IX вѣка, имѣлъ въ виду при случаѣ собирать новыя данныя о важныхъ для византійской и русской исторіи событіяхъ. Какъ извѣстно, названные два ученые впервые опѣнили съ этой точки зрѣнія извѣстія арабскихъ писателей, Ибн-ал-Атира и ал-Макина.

Надо сознаться, что на долю Виктора Романовича въ эту поѣздку выпала необыкновенно счастливая случайность. Пересматривая старый печатный каталогъ парижской Національной Библіотеки, онъ обратилъ вниманіе на продолженіе извѣстной исторіи Евтихія александрійскаго (Саид-ибн-Батрика), отмѣченное въ каталогѣ какъ принадлежащее Саиду антиохійскому. Оказалось, что это была исторія Яхьи Антіохійскаго (XI вѣка), источникъ извѣстій ал-Макина о византійскихъ дѣлахъ X вѣка,—источникъ первостепенной важности для мусульманской исторіи времени фатимидовъ, для исторіи византійской, болгарской и отчасти русской. Если вспомнить, что печатный парижскій каталогъ, гдѣ упоминается сочиненіе Яхьи, вышелъ еще въ 1739 году, — что нѣкоторые ученые уже давно частично привлекали его свѣдѣнія къ своимъ работамъ, напр., Амарн,

1) Приложение къ XXXII тому Зап. И. Акад. Наукъ.

Фрейтагъ, то покажется дѣйствительно почти невѣроятнымъ, чтобы такой источникъ оказался не только не изданнымъ, но и не использованнымъ до пріѣзда барона въ Парижъ въ 1879 году. Результатомъ его работы надъ Яхъей явилась докторская диссертация «Императоръ Василій Болгаробойца. Извлеченія изъ лѣтописи Яхъи Антиохійскаго» (Спб. 1883), капитальный и самый крупный трудъ ученой жизни барона. Значеніе и важность этой работы для византійской, болгарской и русской исторіи были признаны съ самаго перваго времени ея появленія въ свѣтъ (см. отзывъ Ѳ. И. Успенскаго въ журн. Мин. Нар. Пр. 1884, апр., стр. 282—315). Правда, что эффектъ отъ Яхъи былъ бы несравненно большимъ, если бы ему не предшествовали «Русско-византійскіе отрывки» В. Г. Васильевскаго, который открылъ для русской исторіи X вѣка арабскаго историка XIII вѣка ал-Макина. Но Яхъя показалъ, что эти извѣстія XIII вѣка восходятъ къ источнику конца X и первой половины XI вѣка, т. е. почти современному описываемой эпохѣ. Можно удивляться тому, какъ скоро и глубоко вошелъ въ византійскіе источники Викторъ Романовичъ. Вспомнимъ, что тогда еще не было «Исторіи византійской литературы» Крумбахера.

Не скажу, чтобы эта работа была использована русскими учеными, какъ слѣдуетъ. В. Г. Васильевскій въ дальнѣйшихъ работахъ не подвергалъ своей компетентной опѣнкѣ данныхъ Яхъи и выводовъ барона Розена, хотя и говорилъ въ частной бесѣдѣ, что его работы въ области русско-византійскихъ отношеній X вѣка потеряли значеніе послѣ выхода въ свѣтъ книги Виктора Романовича. Ѳ. И. Успенскій ограничился лишь рецензіей, правда обширною.

Какъ мнѣ кажется, это чувствовалъ и самъ баронъ, желавшій найти и выслушать настоящую опѣнку своего труда. Какъ то разъ въ разговорѣ, лѣтъ 12 тому назадъ, онъ съ извѣстной горечью сказалъ мнѣ: «Вотъ, не вѣрятъ, не вѣрятъ моему Яхъѣ!»; здѣсь онъ имѣлъ въ виду именно рецензію Ѳ. И. Успенскаго, который въ ней отдавалъ предпочтеніе византійскимъ источникамъ. За то, кто съ лихвою использовалъ книгу Виктора Романовича, это французскій академикъ Густавъ Шлёмберже (Schlumberger), который цѣлыми страницами переписывалъ текстъ барона въ своей большой «Une épopée byzantine», и безъ работы котораго Византійская Эпопея приняла бы совершенно иной видъ. Въ этомъ случаѣ мы должны быть даже благодарными г. Шлёмберже: онъ первый познакомилъ Западную Европу съ книгой Виктора Романовича и показалъ ея значеніе.

Особенностью ученой жизни Виктора Романовича было нападать на неизвѣстные, забытые—источники. Открывъ Яхъю въ Парижѣ, онъ черезъ нѣсколько лѣтъ «открылъ» другого христіанскаго историка X вѣка Агапія (Махбуба) Манбиджскаго во Флоренціи. Точно также, какъ Яхъя, Агапій (Махбубъ) долженъ былъ бы давно быть извѣстнымъ ученому міру, такъ какъ его флорентинская рукопись была описана еще въ 1742 году Ассемани, а оксфордская въ 1835 г. англичаниномъ Pusey. Существова-

ніе этого загадочнаго историка не укрылось отъ Виктора Романовича, заинтересовало его, и онъ во время своей командировки въ Италію въ 1883 году посвятилъ нѣкоторое время ознакомленію съ флорентинскою рукописью Агапія, результатомъ чего явилась обстоятельная статья о немъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. (январь 1884 г.). Въ этой статьѣ Викторъ Романовичъ сообщилъ содержаніе рукописи, привелъ въ русскомъ переводѣ много выдержекъ изъ времени византійскихъ императоровъ, Θεодосія II, Юстиніана В., Маврикія, Фоки и Ираклія, опредѣлилъ время составленія исторіи Агапія (ок. 941 г.) и доказалъ, что свѣдѣнія Абу-л-Фараджа и отчасти ал-Макина о времени Маврикія, Фоки и Ираклія сокращены изъ его исторіи. Участь этой работы барона была совершенно незаслуженная: не только никто не воспользовался новымъ находящимся въ статьѣ историческимъ матеріаломъ, но объ этой статьѣ даже никто не обмолвился въ печати до 1902 года, когда впервые ею воспользовался я въ своей докторской диссертации. Оксфордской рукописи Агапія баронъ никогда не видѣлъ. Имя Агапія не попало ни къ Wüstenfeld въ «Die Geschichtschreiber der Araber und ihre Werke», ни къ Brockelmann въ «Geschichte der arabischen Litteratur», ни даже къ G. Graf въ его новую спеціальную «Die christlich-arabische Literatur» (1905); лишь только въ самое послѣднее время Агапій появился въ популярномъ очеркѣ К. Брокельманна «Die christlich-arabische Litteratur», и то благодаря моей статьѣ объ Агапіи, помѣщенной въ Византійскомъ Временникѣ за 1904 годъ. Своимъ интересомъ къ этому писателю, которымъ я уже довольно давно занимаюсь, я обязанъ всецѣло барону Розену, устроившему даже мою поѣздку на Синай, гдѣ оказались новыя рукописи Агапія. Само собою разумѣется, въ теченіе всей моей работы надъ нимъ Викторъ Романовичъ ободрялъ меня, помогалъ мнѣ, какъ только онъ умѣлъ это дѣлать. Остановка была изъ-за оксфордской рукописи, которая, наконецъ, благодаря любезности французскаго ориенталиста и издателя *Patrologia Orientalis* Monseigneur Graffin, была мнѣ прислана цѣликомъ сфотографированной въ декабрѣ 1907 года, когда я былъ въ Италіи. Въ январѣ баронъ умеръ, не успѣвъ увидать оксфордскаго текста, которымъ онъ такъ интересовался¹⁾.

Въ дальнѣйшемъ византиновѣдѣніи отъ бар. Розена крупныхъ работъ не имѣло. Въ 1886 году онъ далъ русскій переводъ арабскихъ сказаній о пораженіи Романа Диогена Алп-Арсланомъ изъ Ибн-ал-Атира, Имăд-эд-дина Исфаганскаго и Садр-эд-дина ал-Хусейни (Зап. Вост. Отд. т. I). Въ 1890 г. баронъ напечаталъ небольшую замѣтку «былъ-ли въ 988 году

1) Считаю нужнымъ исправить неточность въ некрологѣ бар. Розена, написанномъ Н. И. Веселовскимъ, который замѣчаетъ: Затѣмъ одну капитальную работу Викторъ Романовичъ уступилъ А. А. Васильеву, именно списокъ съ лѣтописи Агапія Манбиджскаго... (стр. 21 отд. отд.). У барона Розена не было ни одного списка Агапія; оба списка синайскихъ и флорентинскій сдѣланы мною лично; оксфордскій мнѣ сфотографированъ монсьёромъ Graffin.

въ Константинополѣ авторъ Фирриста?» (Зап. т. IV стр. 401—404), гдѣ онъ доказываетъ ошибку издателя Фирриста, проф. Флюгеля, который полагалъ, что авторъ этого сочиненія ан-Недимъ, образованный и ученый арабъ, находился въ Константинополѣ въ столь важномъ и интересномъ для русской исторіи году, какъ годъ 988-й. Если мы упомянемъ о двухъ маленькихъ замѣткахъ барона по поводу работы г. Вестберга о Запискѣ Ибрагима ибн-Якуба о славянахъ (Зап. Имп. Ак. Н. по ист.-фил. отд. VIII стр. III, 1898, стр. 164—165 и VI, 1902, стр. 219—220) и о весьма цѣнныхъ Прологомена къ новому изданію столь извѣстнаго въ русской исторіи Ибн-Фадлана (Зап. В. Отд. XV, 1902—1903, стр. 39—73), то это, кажется, будетъ все, что далъ Викторъ Романовичъ византійской и славяно-русской исторіи.

Интересно отмѣтить, что главный центральный трудъ барона принадлежитъ не къ области специальныхъ занятій его, не къ исторіи арабской литературы и образованности IX вѣка, надъ которой онъ такъ много и долго работалъ, а къ области для него совершенно новой и чуждой, т. е. къ области византійской исторіи.

Когда въ послѣдніе годы редакторъ Византійскаго Временника В. Э. Регель созывалъ въ первую среду каждаго мѣсяца сотрудниковъ этого журнала для собесѣдованій, то баронъ былъ однимъ изъ самыхъ аккуратныхъ и дѣятельныхъ посѣтителей этихъ собраний и живо интересовался Временникомъ.

Кто часто видался съ барономъ, зналъ его долго, могъ видѣть, такъ сказать, его душу, тотъ долженъ признать въ немъ личность сильную вліяющую и вмѣстѣ съ тѣмъ обаятельную. Всегда бодрый, веселый, разговорчивый, остроумный, онъ являлся незамѣнимымъ собесѣдникомъ и привѣтливымъ хозяиномъ. Я всегда съ живѣйшимъ удовольствіемъ вспоминаю недѣлю, прожитую мною съ семьею барона въ 1903 году на Женевскомъ озерѣ. Лицъ, мало знавшихъ его, приводила въ смущеніе и недоумѣніе нѣкоторая кажущаяся иногда рѣзкость въ сужденіяхъ, граничащая, повидимому, иногда, съ нетерпимостью, что было замѣтно особенно въ послѣднее время. Дѣло въ томъ, что политическое движеніе минувшихъ лѣтъ и частыя студенческія волненія, нарушившія ходъ нормальной академической жизни, захватили барона сильнѣе, чѣмъ это можно было бы ожидать. Ставъ на консервативную точку зрѣнія и весь отдавшись съ этой стороны общественнымъ интересамъ момента, онъ иногда съ необыкновенной прямолинейностью высказывалъ свои взгляды, и не мало острыхъ словъ и подчасъ рѣзкихъ замѣчаній срывалось съ устъ Виктора Романовича въ пылу спора или даже въ обычной бесѣдѣ. На многихъ это оставляло впечатлѣніе дѣйствительной, непреклонной нетерпимости. Но многіе эти были тѣ, кто не зналъ близко барона. Лица, близко къ нему стоявшія, воспринимали его сужденія иначе и знали, что подъ этой внѣшней рѣзкостью выраженной скрывается благородная тер-

пимость къ чужимъ мнѣніямъ и любящее, отзывчивое сердце. Это также понимали и цѣнили его «противники».

Хотѣлось бы поговорить о баронѣ еще; хотѣлось бы вспомнить многое, что далъ мнѣ въ жизни этотъ замѣчательный человекъ; но и безъ того я уже довольно внесъ личнаго элемента въ эти строки о Викторѣ Романовичѣ.

Учитель умеръ. Но остались его ученики. Пусть же они, памятуя завѣты покойнаго барона Розена, сплотятся въ одну дружную семью и поведутъ дальше любимое его дѣло насажденія и изученія востоковѣдѣнія въ Россіи въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова.

Миръ праху твоему, профессоръ-учитель, выростившій цѣлое поколѣніе русскихъ ученыхъ!

Миръ праху твоему, ученый, дѣлившійся всегда съ полной охотой своими исключительнымъ знаніями, направлявшій работы многочисленныхъ учениковъ своихъ, вносившій въ работу ихъ одушевленіе и энергію, приходившій имъ на помощь въ минуты упадка духа!

Миръ праху твоему, человекъ и другъ, поддержавшій многихъ въ трудныя минуты жизни, отогрѣвшій и успокоившій не одну мятежную душу,—другъ истинный и вѣрный!

Да будетъ легка тебѣ земля!

А. Васильевъ.

